

Тихомиров Борис Николаевич*

*доктор филологических наук,
заместитель директора по научной работе
Литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге,
президент Российского общества Достоевского.
btikhomirov@rambler.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.10

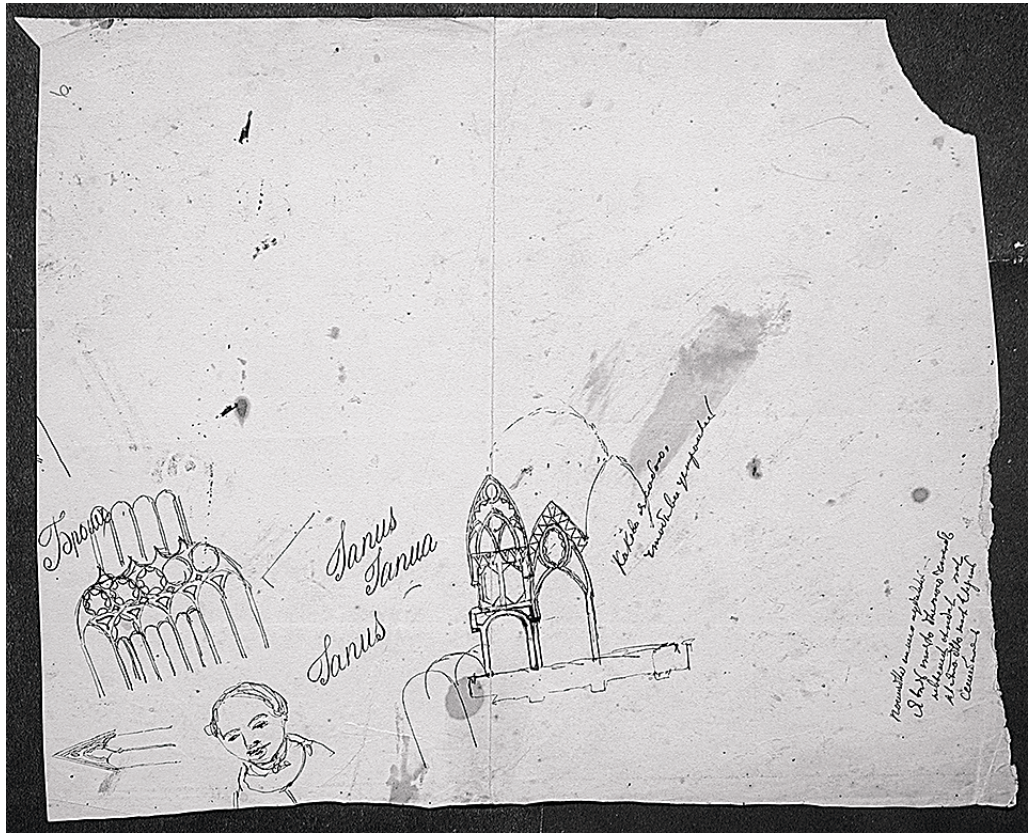
СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ АТРИБУЦИИ НАБРОСКА К РОМАНУ «БЕСЫ»

Аннотация: В РО ИРЛИ хранится отдельный листок с разрозненными набросками, которые атрибутируются в научной литературе без достаточных оснований как относящиеся либо к «Преступлению и наказанию», либо к «Братьям Карамазовым». Автор статьи предлагает отнести указанные наброски к роману «Бесы» и датирует их приблизительно мартом-июнем 1872 года, а портрет молодой девушки в нижней части листа рассматривает как возможное авторское изображение Лизы Тушиной.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», записные тетради, рукописи, атрибуция.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, в Фонде А. Г. Достоевской, хранится отдельный листок неправильной формы с частично обрезанными, частично оборванными краями, в нижней части которого сделана портретная зарисовка молодой девушки¹; чуть выше, слева и справа, — две композиции из архитектурных элементов готического стиля; между ними и по левому обрезу листа — несколько каллиграфически выписанных слов: «Бром», «Janus» (два раза), «Janua», а в правой части листа — две разрозненные краткие записи, достаточно отдаленно отстоящие одна от другой².

В ПСС они напечатаны в разделе «Наброски и планы. 1874–1879» под условным редакционным заголовком «<Отрывки>» и квалифицированы

в примечаниях как « наброски диалога к художественному произведению»³ с указанием: «Фрагментарность записи не дает возможности ее датировать, а также более определенно связать с каким-то замыслом» (17; 442⁴; подготовка текста и примеч. И. А. Битюговой). В ПСС эти наброски напечатаны так:

«Какова я собою, чтобы всё устроилось.

Поглядела на него с удивлением.

— Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное» (17; 13).

Через семь лет после публикации ПСС к этим записям повторно обратилась Т. И. Орнатская, атрибутировав их как подготовительные материалы (далее — ПМ), относящиеся к третьей части романа «Братья Карамазовы». Первый набросок («Какова я собою, чтобы всё устроилось») охарактеризован исследовательницей как «часть монолога Грушеньки, обращенного к Ракитину (глава III «Луковка» — 14, 322–323; ср. также: 15, 262)». Второй («Поглядела на него и удивилась ~ так сказать, семейное») — как одна «из ранних разработок главы V «Внезапное решение» книги восьмой «Митя» и главы I «Начало карьеры чиновника Перхотина», открывающей книгу

девятую «Предварительное следствие» <...> 14, 369, 401–402» [1, 71]. Т. И. Орнатской сделано важное уточнение в первой фразе второй записи («с удивлением» / «и удивилась»⁵). В то же время никаких конкретных наблюдений, подтверждающих правоту предложенной ею атрибуции, исследовательница в своей заметке не приводит. Возможно, такая лапидарность могла бы быть допустима, если бы на указанных страницах «Братьев Карамазовых» мы нашли более или менее точный повтор рассматриваемых черновых записей. Однако при обращении к тексту романа достаточных и убедительных совпадений, аргументирующих предложенную атрибуцию, обнаружить не удалось.

В первом случае записи: «Какова я собою, чтобы всё устроилось» — Т. И. Орнатской в соответствие, как можно судить, поставлена реплика Грушеньки (заочно обращенная к ее бывшему ухажеру-полюку): «...»Видал ты, какова я теперь, скажу, ну так и оставайся при том, милостивый государь, по усам текло, а в рот не попало!»...» (14; 322). Повтор ограничивается двумя служебными словами, синтаксической близости фраз нет.⁶

Во втором случае начальной части наброска «Поглядела на него и удивилась» — вообще не обнаруживается соответствий, а фраза:

«Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное», очевидно, запараллелена Т. И. Орнатской с двумя текстами: «”И тут скандалу наделаю!“ — подумал он [Перхотин] с каким-то уже страданием в душе, но вместо того чтоб уйти окончательно, принялся вдруг стучать снова и изо всей уже силы» (14; 369). «Скандала же Петр Ильич боялся пуще всего на свете» (14; 402). Сходство текстов, прямо скажем, более чем отдаленное!

Несмотря на столь слабую аргументацию, атрибуция Т. И. Орнатской была «канонизирована» в последнем томе ПСС — в разделе «Опечатки, исправления и дополнения к томам I–XXX₁» (см.: 30₂; 417–418).⁷

В 2001 г. к указанным наброскам еще раз обратились И. А. Битюгова и К. А. Баршт, предложившие иную их атрибуцию. Как ни парадоксально, ни публикацию Т. И. Орнатской, ни ее «отражение» в перечне исправлений и дополнений в последнем томе ПСС исследователи не только не подвергли критическому пересмотру, но, по-видимому, и вообще не учли. Усмотрев близость портретной зарисовки на листке с несколькими рисунками писателя в записной тетради 1864–1865 гг., содержащей подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», И. А. Битюгова и К. А. Баршт атрибутировали содержащиеся на листе наброски как относящиеся к этому первому роману из «великого пятикнижия» Достоевского. Портретную же зарисовку на листке однозначно, по их мнению, молодой девушки соавторы посчитали изображением Сонечки Мармеладовой.

С каким же этапом истории текста «Преступления и наказания» поставлены в связь И. А. Битюговой и К. А. Барштом рассматриваемые наброски? В конце записной тетради 1864–1865 гг., содержащей материалы

самой ранней, так называемой «висбаденской» редакции романа, датированной августом–октябрем 1865 г., содержится набросок: «Дочь чиновника (то есть будущая Соня Мармеладова. — Б. Т.) мимоходом чуть-чуть и оригинальнее вывести. Простое и забитое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой. Ноги (Раскольников ей. — Б. Т.) целует» (7; 92). Роль Сони в судьбе героя уже намечена писателем: к ней он придет с покаянием и исповедью («Ноги целует»), но Сонечка здесь еще не имеет имени, и Достоевский пока что колеблется, в каком образе лучше ее вывести в произведении. По мнению исследователей, с этим моментом творческой истории и корреспондирует первая запись из рассматриваемого наброска: «Какова я собою, чтобы всё устроилось». — «...сомнения в предпочтении второго варианта (“А лучше грязную и пьяную с рыбой”. — Б. Т.) остаются (у Достоевского. — Б. Т.) и находят отражение, — пишут соавторы, — в приведенной записи на листе в виде вопроса⁸ как бы от лица дочери чиновника, а на самом деле авторского: какой же ее изобразить, чтобы она исполнила свою роль» [2, 328]. «Ответ на этот вопрос, — заключают они далее, — проступает в представленном на том же листе силуэте скромной (то есть не “грязной и пьяной”. — Б. Т.) молодой женщины...» [2, 328].

Второй же набросок, по мнению И. А. Битюговой и К. А. Баршта, представляет собою «проект сцены появления пьяного Мармеладова в сопровождении Раскольникова перед Катериной Ивановной...» [2, 329]. Никаких вербальных соответствий исследователи не приводят, но в их интерпретации первая фраза: «Поглядела на него с удивлением»⁹ — описывает реакцию Катерины Ивановны на появление на пороге квартиры пьяненького Мармеладова¹⁰, а вторая — оказывается репликой Раскольникова, «оправдывающего в первоначальном наброске свой приход (в квартиру Мармеладовых. — Б. Т.) намерением предотвратить “скандал“»¹¹.

Аргументация И. А. Битюговой и К. А. Баршта оказывается еще менее убедительной, чем аргументация Т. И. Орнатской. Но наиболее веским возражением всем трем исследователям должна послужить строго научная атрибуция, построенная на конкретных и доказательных текстуальных наблюдениях. Забегая вперед, укажу, что текстологический анализ позволяет отнести рассматриваемые наброски к роману «Бесы». Более конкретно — к первым главам третьей части романа (в журнальной публикации).¹² Датированы наброски приблизительно могут быть мартом–июнем 1872 г.

Но ранее обращения к конкретным наблюдениям необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Публикаторы ПСС два отдельно записанных на листе наброска интерпретировали как *единый текст*, представив его в примечаниях как «наброски диалога» (17; 442). Но уже Т. И. Орнатская посчитала возможным рассматривать записи на листе как отсылающие к *трем разным главам*, в придачу *двух разных частей романа* «Братья Карамазовы». Не принимая итоговый вывод исследовательницы, с этим ее

заключением я должен согласиться. Причем, как будет показано ниже, соотношение записей на листе с разными местами как чернового, так и печатного текста «Бесов» окажется по своей «конфигурации» достаточно причудливой.

Второе замечание касается оформления в автографе первого из рассматриваемых набросков. В ПСС он воспроизведен как единая фраза:

«Какова я собою, чтобы всё устроилось» (17; 13).

Однако у Достоевского запись оформлена в две строки, хотя для продолжения фразы на листе оставалось достаточно места:

«Какова я собою,
чтобы все устроилось».

Почему так значим этот нюанс? Потому что первое текстуальное совпадение, на которое я хочу обратить внимание, покрывает не всю фразу, а только первую ее часть. Это слова Лизы после ночного эпизода со Ставрогиним (глава третья «Законченный роман» из третьей части романа): «Если ехать, то в Москву, и там делать визиты и самим принимать, — говорит девушка, — вот мой идеал, вы знаете; я от вас не скрыла, еще в Швейцарии, **какова я собою**» (10; 399). Уже само по себе *абсолютно точное совпадение* с первой половиной первого наброска заставляет отдать этому наблюдению предпочтение перед наблюдениями моих предшественников. Однако в силу элементарности и краткости совпавшей синтагмы все-таки есть возможность посчитать ее случайностью. Гораздо более доказательным делает ситуацию второе совпадение — и опять абсолютно точное! — первой части уже второго наброска со следующим местом из той же главы «Бесов» (здесь Лиза разговаривает с Петрушей Верховенским):

«— Какой вы добрый... — ласково проговорила Лиза.

— Помилуйте, в подобном случае всякий гуманный человек на моем месте также...

Лиза поглядела на него и удивилась» (10; 409).

Следующий круг наблюдений выводит нас к главе «Степана Трофимовича описали», которая в журнальной редакции печаталась как первая глава третьей части. В ней между Хроникером и Верховенским старшим происходит обсуждение обстоятельств прошедшего у Степана Трофимовича утром обыска, который проводил помощник губернатора Блюм. Сразу отмечу, что тут не обнаруживается подобных приведенным выше абсолютно точных совпадений. Но все равно текстуальная близость набросков к связной черновой или окончательной редакциям романа оказывается значительно выше, нежели в наблюдениях Т.И. Орнатской, И.А. Битюговой и К.А. Баршта.

Начну с печатного текста «Бесов». Вот фрагмент диалога Хроникера и Степана Трофимовича:

«— Помилуйте, да ведь он предлагал вам известный в таких случаях порядок и гарантии, а вы же сами и отклонили! — вскричал я в дружеском негодовании.

— Нет, этак лучше, без гарантии. **И к чему скандал?** Пускай до поры до времени en amis [фр. на дружеских началах]...» (10; 329).

Здесь пока еще совпадение чисто тематическое, закрепленное в единственном повторяющемся слове «скандал»: «Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал» / «И к чему скандал?». Однако при обращении к черновому автографу обнаруживается значительно больший объем лексических совпадений. Достоевский записывает в черновой рукописи несколько вариантов этого эпизода. Среди сбивчивых и несвязных объяснений Степана Трофимовича отмечу следующие реплики:

«Но я не дал себя поймать и отклонил. **Всё устроилось** домашним образом. По крайней мере (Блюм. — Б. Т.) дал мне слово, что всё останется до времени шито-крыто и разглашать не будут»; «Я, кажется, стал его упрашивать, **чтоб всё обошлось [семейно]** секретно, так что **всё устроилось** домашним образом. <...> Нет, этак лучше, **пускай до времени без скандала**» (11; 337–338).

Абсолютно точных совпадений нет и здесь. Однако набросок на отдельном листе («чтобы все устроилось»; «Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, **семейное**») органично встает в ряд вариантов, развернутых писателем в черновом автографе. Специально стоит отметить нелепое в устах Степана Трофимовича применительно к обсуждаемой ситуации выражение «дело, так сказать, **семейное**». Не будь свидетельства чернового автографа (далее — ЧА), затруднительно было бы «вписать» его в контекст эпизода. Однако зачеркнутый вариант ЧА: «... чтоб всё обошлось **семейно**», напротив, подтверждает, что несообразность выделенного слова — это черта сумбурной речи вверженного обыском в полную прострацию Степана Трофимовича. Кстати, тот факт, что в отличие от автографа на листке в ЧА слово «семейно» зачеркнуто как отвергнутый вариант, позволяет осторожно предположить, что по времени отдельный набросок, очевидно, предшествует работе Достоевского над связным текстом.

Представляется, что приведенные наблюдения вполне доказывают принадлежность черновых набросков на отдельном листке творческой истории романа «Бесы». А более конкретно — времени работы Достоевского над первыми главами третьей части романа (в журнальной публикации).

В заключение коснусь одной загадочной особенности в записи анализируемых записей, которая отчасти также препятствовала правильной атрибуции этих текстов. Я уже отмечал, что в автографе наброски образуют две отдельные группы, разделенные между собой определенным пространством. Можно было бы ожидать, что один из них относится к главе «Степана Трофимовича описали», а другой — к главе «Законченный роман».

Однако в действительности картина выглядит иначе, и возникшая «конфигурация» записей труднообъяснима. Дело в том, что *в каждой из двух групп*, как было продемонстрировано выше, верхняя строчка относится к главе «Законченный роман», а нижние строки (в первом случае одна, во втором — три) — к главе «Степана Трофимовича описали». Причем верхняя строчка — к более позднему тексту, чем нижние. Как это объяснить? Увы! Надо признать, что данные, которыми мы располагаем, не позволяют прокомментировать этот текстологический казус.

Что же касается зарисовки молодой девушки в нижней части рассматриваемого листка, то если согласиться с И. А. Битюговой и К. А. Барштом, настаивающими, что перед нами портрет героини Достоевского, то его необходимо квалифицировать, как авторское изображение *Лизы Тушиной*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 142) этот рисунок квалифицирован как «набросок мужской головы». Считаю возможным согласиться с исследователями, оспорившими такую атрибуцию (см. ниже).
- ² РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29452.
- ³ Ср.: «Наброски диалога — подготовительные для литературной работы» (Описание рукописей Ф. М. Достоевского. С. 142).
- ⁴ Цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1991. Номера тома страницы указаны в скобках после цитаты.
- ⁵ Еще ранее верное прочтение этого слова было предложено Б. Н. Капелюш и Т. Н. Гармашевой в изд.: Описание материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Т. V: И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский. С. 122. № 523. Отмечу, что здесь исследователями неточно прочтено другое слово: «устраивалось» вместо «устроилось».
- ⁶ В указанном месте ПМ к «Братьям Карамазовым» повтор столь же минимален; ср.: «... может быть, выйду к нему, скажу: видел меня, хороша али нет? <...> Видел, **какова** я теперь, скажу» (15; 262).
- ⁷ Однако в вышедшем годом позднее 10-м томе так называемого «малого академического» собрания сочинений Достоевского, выпущенного на основе ПСС, указанные наброски по-прежнему напечатаны под рубрикой «<Отрывки>» в разделе «Незаконченные повествовательные произведения, наброски и планы»; справедливое текстологическое уточнение Т. И. Орнатской здесь также не учтено и примечания перепечатаны из ПСС без изменений (см.: Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Л., 1991. Т. 10. С. 337, 436; публикатор И. Д. Якубович).
- ⁸ Отмечу, что в записи Достоевского вопросительный знак отсутствует.
- ⁹ Текстологическое уточнение Т. И. Орнатской исследователями также не учтено.
- ¹⁰ Соавторы некорректно приводят фрагмент, в котором Катерина Ивановна реагирует на появление Раскольникова, по тексту окончательной редакции: «Женщина, увидев **незнакомого**, рассеянно остановилась **перед ним**, на мгновение очнувшись и как бы соображая: зачем это он вошел?» (6; 24). В ранних редакциях, о которых идет речь,

повествование ведется от лица героя и вместо 3-го лица естественно появляется 1-е, что разрушает аргументацию исследователей: «Женщина, увидя **меня**, остановилась **передо мной**, как бы соображая и догадываясь, зачем это я вошел» (7; 117, ср. 119). Очевидно, что с так грамматически организованным текстом фраза: «Поглядела **на него** и удивилась» — соотнесена быть не может.

¹¹ Лишь прокламированный «первоначальный набросок» исследователями не указан и мною не обнаружен (ср.: «Мне самому хотелось поскорее с ним развязаться и потому я не отказал его довести» — 7; 115).

¹² В отдельном издании это глава девятая второй части («Степана Трофимовича описали») и глава третья третьей части («Законченный роман»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орнатская, Т. И. «Братья Карамазовы». Черновые наброски / Т. И. Орнатская // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 5. — Ленинград, 1983. — С. 69–71.
2. Баршт, К. А., Битюгова, К. А. К творческой истории «Преступления и наказания»: (Атрибуция одного из набросков) / К. А. Баршт, И. А. Битюгова // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 16: Юбилейный сборник. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 325–329.